

с новым режиссером Семеном Яковлевичем Спиваком.

С. К.: — Как мы выплыли? Не знаю... Ведь сломать антера легко, особенно молодого. Хотя ни о чем, что было, не жалею. А вера жила всегда.

Т. Г.: — Мы иногда думаем, повторится ли еще такое, как на репетициях «Танго». Когда надо раскрыть себя всего без остатка, до самого укромного в душе, когда ты — как на исповеди. Чтобы только найти то заветное, «петушиное слово», ради которого все эти му-ки...

«Помнишь, как мы разрушали традиции? В знак протеста ты овладел мною на глазах мамы и папы во время «Тангейзера», в первом ряду кресел. Скандал был страшный. Где те времена, когда это еще производило впечатление?», — удивленно спрашивает Нора у мужа. Но в этом безумном мире, кажется, давно не существует времени, и искренний идиотизм его обитателей трогательно наивен и заманчив. Эстетский хаос царит в их доме. Здесь пахнет пылью и стариной, рядом с катафалком давно умершего дедушки валяется серая от пыли фата Норы, на колченогом столе — бриджи и птичья клетка без дна. Да и сами хозяева шахи-вают на экзотических райских

неистощимая на розыгрыши, умерла. Вот так: заливаясь смехом, вспрыгнула на катафалк и умерла, насовсем. Тогда Стомиль, бледный и потерянный, захнычет и тихо пожалуется жене: «Нора, а у меня мама умерла».

Только что он, воодушевленный и улыбочивый, со счастливым лицом и загадочно-рассеянным взглядом вдаль (он Художник!), представлял очередную театральную эксперимент. Только что в мечтательной прострации этот новоявленный Треплев вспоминал с гордостью и снисходительной доброжелательностью о подвигах молодости, болтая ногами и энергично подпрыгивая на катафалке, скандируя слово «Бунт!!».

Только что резались в карты и хотели до упаду, терпеливо сносил задуство сына; пили шампанское, и Нора не сводила своих огромных голубых глаз с любовника. Удивленно, с затаенным упоением, нежно-нежно, серебристым дрожащим голоском с придыханием она пропела: «Ой, Эдзя, ты та-а-ак красиво пьешь...». А теперь, когда тот убил их сына, трогательно раскинула она свои изящные руки над Стомилем, чтобы защитить...

В день, когда они играют этот спектакль, неотложные дела, семейные заботы отодвигаются на задний план. По традиции актеры приходят в театр за два часа до начала. Им необходимо присмотреться друг к другу, настроиться на партнера, прижиться, выговориться: спектакль в принципе невозможен, если кто-то не в духе. Они пьют чай или просто курят. Им кажется, что спектакль умрет, если всякий раз не найдется новых ощущений от только что узнанного, передуманного, пережитого.

Они идут на спектакль (вечера — «Молодого театра», сегодня — Молодежного), который принес им счастье творчества, а зрителю неожиданные встречи и радость открытий.

М. ЗАБОЛОННАЯ

Фото В. ВАСИЛЬЕВА

ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

...ВСМАТРИВАЮСЬ в их лица, пытаюсь уловить знакомые интонации, хочу ухватить замашки их Норы и Стомиля — и не могу! Передо мной — актеры Молодежного театра Татьяна Григорьева и Сергей Кошонин. Всю жизнь работали в нашем городе, а вот повод для встречи нашелся лишь теперь — после спектакля «Танго».

— Как вы оцениваете свою творческую судьбу за последние 10 лет?

С. КОШОНИН: — Это еще не судьба; но весь мой путь. В 1979 году с курсом «Братьев и сестер» я окончил ЛГИТМИК.

Т. ГРИГОРЬЕВА: — Для меня — это судьба «Молодого театра», с которым я начинала еще 14 лет назад. Мы все мечтали тогда о творчестве новом, студийном, удивительном.

С. К.: — Если бы тогда можно было сохранить наш курс для нового театра... Но этого не случилось. Я сразу ушел в армию, а через полтора года

уже работал в Молодежном театре у Малыцкого.

Т. Г.: — На III курсе музыкального училища меня хотели перевести на актерское в ЛГИТМИК, но я решила остаться при Консерватории: почему бы драматической актрисе не владеть вокалом?

С. К.: — Теперь мой первый крут как бы замкнулся. Еще в институте я был занят в учебной режиссерской работе со Спиваком. Сегодня я снова с ним. Здесь — легкое дыхание, здесь — взаимопонимание.

Т. Г.: — Антер ведь зависим от всех. Когда я почувствовала себя забытой в театре, удивилась даже: ну разве можно так переживать? Может, уйти из театра? Тогда сплела проба в кино. А теперь вот — встреча

птиц, беспечно вьющихся над разрушенным гнездом, привлекших к собственной клетке так, что и жить без нее не умеют. Даже если в ней давно нет дна.

Здесь время застыло, оттого и мать, и отец, и сын, даже бабушка одинаково молоды. Они похожи на детей, играющих во взрослых. Рядом с трогательной искренностью, непредсказуемыми реакциями и бесконечным весельем смерть человека тоже может показаться игрой, и долго никто не будет верить в то, что маленькая бабушка, озорная и